И 371/1496

И 371/1496

ВЕЛИКІЙ ГЕРОЙ

Коля Зуевъ

14-тилѣтній Георгіевскій Кавалеръ.

ИЗДАНІЕ
РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА
печатнаго и издательскаго дѣла.
Москва, Чистые пруды, Мыльниковъ пер., собств. домъ.

И 371/1496

ВЕЛИКІЙ ГЕРОЙ

14-тилѣтній Георгіевскій Кавалеръ

КОЛЯ ЗУЕВЪ,

РИСКОВАВШІЙ ЖИЗНЬЮ,

совершившій рядъ смѣлыхъ вылазокъ и трижды удостоившійся Высочайшихъ наградъ — Георгіевскихъ крестовъ II, III и IV степени.

ИЗДАНІЕ
РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА
печатнаго и издательскаго дѣла.
Москва, Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.

Дозволено цензурою. Москва, 5 февраля 1905 г.

Четырнадцатилѣтній георгіевскій герой

КОЛЯ ЗУЕВЪ.

I.

„Колюша, вотъ тебѣ три шашки, выбирай любую; она твоя навѣки“,—вспомнились Колѣ Зуеву слова штабсъ-капитана портъ-артурскаго гарнизона Х., его второго пріемнаго отца, который, передавая ему запечатанный пакетъ и отправляя въ Вафангоу въ русскую армію, напутствовалъ его этими словами. „Смотри только, не попадись японцамъ въ руки, они тебя того... Днемъ иди больше гаоляномъ да по рытвинамъ и доламъ, а если издали увидишь непріятеля—ложись на землю и жди, пока не скроется... Дорогу въ Вафангоу знаешь хорошо, лучше любого китайца, ты вѣдь бывалъ тамъ... Одно помни, мальчикъ мой, что пакетъ надо беречь пуще ока и доставить его въ военный штабъ, какъ обозначено на адресѣ, и никому другому не отдать его, ни-ни-ни, пуще всего японцу... Ежели что, лучше разорви, уничтожь, но чтобы не достался въ руки врага, понимаешь? Лучше самъ...“

Все это припомнилось Зуеву, одиноко пробиравшемуся теперь по пустыннымъ узкимъ тропинкамъ, ведущимъ въ Вафангоу, куда онъ былъ посланъ изъ Портъ-Артура въ штабъ русской арміи.

Коля хотя и не зналъ, что было написано въ этой бумагѣ, — онъ зналъ, что такія бумаги пишутся не обыкновенными буквами, а цифрами, что ихъ читать не каждый можетъ и что они составляютъ большую тайну и содержатъ въ себѣ очень важныя свѣдѣнія, и поэтому онъ довольно часто хватался рукою за карманъ, гдѣ находился пакетъ, чтобы удостовѣриться въ цѣлости его.

Колѣ также вспомнилось обѣщаніе штабсъ-капитана, что если онъ доставитъ пакетъ въ цѣлости военному штабу и благополучно вернется оттуда въ Портъ-Артуръ, ему дадутъ Георгія второй степени. „Георгій второй степени! шутка ли“,— мелькнуло у него въ головкѣ. Шашка у него уже имѣется и составляетъ его собственность. Онъ также зачисленъ въ полку и считается на государственной службѣ, а тутъ еще получить Георгія второй степени. Георгія второй степени даже не имѣлъ его папаша, несмотря на то, что часто говорилъ объ этомъ и только получилъ его передъ самой смертью своей, когда былъ раненъ въ морскомъ бою 28-го марта...

При воспоминаніи о своемъ отцѣ Зуевъ глубоко вздохнулъ. Бѣдный папа! Онъ такъ страдалъ передъ смертью, получивъ нѣсколько смертельныхъ ранъ, и оставилъ Колю круглымъ сиротою... Коля хотя и зналъ, что это былъ не его родной отецъ, а пріемный, но Коля, все равно, чувствовалъ себя хорошо у него, какъ у родного родителя и очень любилъ его и очень много плакалъ, когда онъ скончался... Зуева взялъ на воспитаніе другой офицеръ, тотъ самый, который вотъ отправилъ его теперь съ казеннымъ пакетомъ въ Вафангоу,—но онъ еще не успѣлъ привыкнуть къ нему...

Всѣ эти мысли смутно носились въ головѣ мальчика въ то время, когда онъ осторожно пробирался между густыми кустами гаоляна, не доходя нѣсколько верстъ японскихъ аванпостовъ.

Это еще не было самое опасное мѣсто въ его пути. Во-первыхъ, до японскихъ позицій было еще сравнительно далеко— нѣсколько верстъ, несмотря на то, что до его слуха постоянно доносились оттуда ружейные выстрѣлы; во-вторыхъ, гаолянъ былъ такъ высокъ, а онъ такъ малъ ростомъ, что могъ пройти эти мѣста, не будучи никѣмъ замѣченъ. Но самое трудное было впереди. По мѣрѣ того, какъ онъ удалялся отъ Портъ-Артура, непріятельскія траншеи, окопы и палатки все чаще и чаще стали встрѣчаться и находились на самомъ пути между Вафангоу и крѣпостью и рѣшительно лишали возможности пробраться къ первому. И какъ хорошо ни зналъ Коля путь въ Вафангоу и прилегающія къ нему мѣстности, онъ неоднократно задумывался надъ вопросомъ, какъ ему миновать непріятельскія позиціи, не попасться японцу въ руки.

Больше всего онъ задумывался надъ тѣмъ, какъ пройдетъ онъ черезъ Гайопинское ущелье, по-артурски Вочью

Юный георгіевскій кавалеръ

Николай Зуевъ.

Коля Зуевъ (14-лѣтній герой) три раза пробирался съ донесеніями въ Портъ-Артуръ и обратно. Въ послѣдній разъ былъ захваченъ японцами въ плѣнъ, откуда бѣжалъ, воспользовавшись японскою лошадью, причемъ во время преслѣдованія былъ раненъ въ плечо. За означенные подвиги награжденъ знаками отличія военнаго ордена (Георгіевскими крестами) 4, 3 и 2 степени.

долину, черезъ которую ему лежалъ путь, и гдѣ, какъ говорили китайцы, ночью рыскали волки. А до ночи уже было недалеко, часа два, три—и теперь уже солнце начало садиться, стало смеркаться, а затѣмъ уже и вскорѣ наступила ночь. Это первая ночь въ его жизни, которую ему пришлось провести одному подъ открытымъ небомъ, въ уединенномъ полѣ, поросшемъ гаоляномъ и кустарникомъ, среди скалистыхъ горъ, смеживающихся съ зіяющими ущельями...

II.

Въ противоположность китайскимъ пѣшеходамъ, которые, какъ объ этомъ слышалъ Коля, любили на ночь расположиться въ кустахъ гаоляна, онъ предпочелъ лучше лечь въ открытомъ полѣ, гдѣ онъ могъ смотрѣть на мерцающія надъ его головой звѣзды. Коля видѣлъ какъ однѣ изъ нихъ свѣтлѣлись, искрились и перелетали съ одного мѣста неба на другое, а то и совсѣмъ исчезали, оставивъ въ пространствѣ на одно мгновеніе огненную полосу; другія, наоборотъ, расположенныя то въ видѣ бумажнаго змѣя съ удлиненнымъ хвостомъ, то отдѣльно сверкающими группами, неподвижно стояли на одномъ мѣстѣ и, казалось, смотрѣли на него привѣтливо съ небесной выси. И эти свѣтлыя точки казались теперь Колѣ милліонами глазъ, которые ласково глядятъ на него, привѣтливо перемигиваются съ нимъ и ему не было боязно спать подъ ихъ покровительствующимъ взоромъ...

Проснулся Коля на слѣдующій день довольно рано. Солнце только что показалось огромнымъ ярко-свѣтлымъ шаромъ. И первое его движеніе было ощупать карманъ и, убѣдившись въ цѣлости пакета, онъ тотчасъ снова пустился въ путь.

Дорога въ Вафангоу вела теперь черезъ высокую крутую гору и, боясь быть замѣченнымъ японцами, Зуевъ вынужденъ былъ свернуть съ нея и пробираться черезъ близлежащее ущелье, обойдя такимъ образомъ всю эту гору, что составляло нѣсколько верстъ. Ущелье представляло крутой, почти отвѣсный склонъ, на днѣ котораго протекала довольно глубокая рѣка, черезъ которую никакъ нельзя было пробраться въ бродъ, и ему пришлось вернуться обратно, пройти вдоль всего берега этой рѣки, чтобы отыскать болѣе или ме-

нѣе безопасный бродъ и, такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы приблизиться къ своей цѣли, т.-е. къ Вафангоу, бѣдный Коля удалился отъ нея.

Къ трудностямъ пути примѣшивалось отсутствіе съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ бывшіе съ нимъ сухари и вяленую конину онъ уже съѣлъ въ первые три дня его пути. А тутъ какъ разъ ни одного куста дикой бузины, ни одной дикой яблони, которые нерѣдко случается видѣть здѣсь, ни даже китайскаго проса, котораго онъ теперь съ аппетитомъ поѣлъ бы, хотя бы даже въ сыромъ видѣ.

Голодный, усталый и измученный неимовѣрными трудностями пути, Коля къ вечеру четвертаго дня своего странствованія достигъ небольшого китайскаго селенія и тутъ же къ великой своей радости узналъ, что находился всего въ десяти верстахъ отъ русскихъ позицій. Коля также узналъ отъ китайца, у котораго онъ остановился на ночлегъ, что армія готовилась къ большому бою, который долженъ былъ произойти въ скоромъ времени,—новость, о которой въ осажденной крѣпости и понятія не имѣли. Китаецъ также сказалъ ему о нѣсколько мелкихъ побѣдахъ, которыя были одержаны русскими и, что, судя по настроенію войска, и на этотъ разъ удастся вытѣснить японцевъ съ занимаемой ими позиціи. Все это заставило радостно трепетать его юное сердце, уже проникнутое глубокой любовью къ русскому воинству, къ Россіи, ради которой онъ теперь предпринялъ этотъ трудный и опасный подвигъ.

Но больше всего его радовала мысль, что онъ благополучно минулъ японскія позиціи. Японцы, повидимому, какъ полагали здѣшніе китайцы, находились также совсѣмъ недалеко отъ селенія. Нѣкоторые жители утверждали, что прошлую ночь встрѣчали здѣсь японскихъ развѣдчиковъ. Они не заходили въ селеніе, а расположились на высокой близлежащей сопкѣ, гдѣ издали, при помощи подзорныхъ трубъ, наблюдали за тѣмъ, что происходило въ русскихъ позиціяхъ. Китаецъ также сказалъ Зуеву, что онъ объ этомъ далъ знать русскимъ, но Коля, хорошо знавшій хитрыхъ китайцевъ, не совсѣмъ повѣрилъ его словамъ. Какъ Зуевъ ни былъ юнъ, — ему только исполнилось недавно 13 лѣтъ, но, воспитавшись въ военной средѣ, гдѣ больше пяти мѣсяцевъ разговоры и бесѣды всѣхъ его окружающихъ были только о войнѣ, и живя постоянно въ

обществѣ китайцевъ, онъ научился понимать ихъ и зналъ въ чемъ можно было вѣрить сынамъ Поднебесной имперіи или не вѣрить имъ. И, разумѣется, ничего не сказалъ имъ откуда идетъ и для какой цѣли. На разспросы китайцевъ, что и кто заставилъ его предпринять это путешествіе въ Вафангоу, Зуевъ сочинилъ цѣлую сказку о томъ, что его матушка, которая живетъ въ Портъ-Артурѣ, послала его въ русскую армію, чтобы узнать, живъ ли его отецъ, или онъ убитъ, такъ какъ уже больше полугода не имѣетъ о немъ никакихъ извѣстій. То обстоятельство, что у него имѣлась шашка, Коля объяснилъ, что она ему подарена знакомымъ солдатомъ, чтобы защищаться ею по дорогѣ отъ волковъ. Повѣрили ли въ свою очередь китайцы всему тому, что имъ наговорилъ Коля, онъ не зналъ; но во всякомъ случаѣ китаецъ напоилъ его, накормилъ, позволилъ ему переночевать у себя и ни за что не хотѣлъ взять съ него денегъ за это, а на слѣдующій день, разбудивъ его рано утромъ, сказалъ ему, какъ безопаснѣе и ближе добраться до русскихъ позицій.

III

Уже къ полудню того дня Зуевъ издали увидалъ ряды укрѣпленій, за которыми были расположены русскія резервныя войска. Позади нихъ на огромномъ пространствѣ были расположены подводы съ разными военными припасами, арсеналы, перевязочные пункты, амбулаторныя палатки. Со всѣмъ этимъ Зуевъ былъ знакомъ въ достаточной степени и по нимъ могъ легко догадаться, что онъ попалъ на то мѣсто, гдѣ расположены резервныя войска и что главныя части войскъ, такъ называемые аванпосты, находятся на нѣсколько верстъ подальше, впереди и что, повидимому, все уже приготовлено къ предстоящему бою.

Никакихъ приготовленій здѣсь теперь не происходило, не замѣчалось даже того обычнаго оживленія, которое приходится наблюдать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ расположено много войскъ. Повидимому, солдаты спокойно ожидали предстоящихъ событій и теперь группировались около кухни, бѣгали туда и обратно со своими мѣдными котелками. Повидимому, былъ обѣденный часъ.

Ген.-Ад. А. Н. Куропаткинъ. Коля Зуевъ.

Главнокомандующій награждаетъ Колю Зуева Георгіевскимъ крестомъ 3-й степени.

Вдругъ нѣсколько человѣкъ солдатъ, замѣтивъ, повидимому, издали приближавшагося къ нимъ Зуева, вскочили со своихъ мѣстъ и устремили на него свои взоры, и едва только онъ успѣлъ подойти къ нимъ, какъ отовсюду пристали къ нему съ вопросами:

— Откуда и какъ явился онъ къ нимъ?

— Изъ Портъ-Артура,—отвѣтилъ Зуевъ.

— Изъ Портъ-Артура? Какъ?—насмѣшливо воскликнуло нѣсколько голосовъ, принимая слова мальчика за шутку.

Но въ это время къ Зуеву приблизился усатый казакъ и строгимъ голосомъ промолвилъ:

— Ты, братецъ, не шути и скажи кто ты и откуда? Знаешь, въ наше время не до шутокъ, и откуда, братецъ, у тебя эта шапка? Посмѣй только врать, ты увидишь...—И тутъ старый казакъ пригрозилъ ему пальцемъ.

Но Зуевъ, нисколько не смущаясь, снова промолвилъ спокойнымъ голосомъ:

— Я изъ Портъ-Артура и посланъ начальствомъ въ штабъ, чтобы передать казенный пакетъ.

— Когда, какъ, какимъ образомъ?—осыпали его вопросами солдаты, которые одинъ за другимъ, покидая свои котелки съ кушаньемъ, подбѣжали къ мальчику, думая услышать отъ него важныя извѣстія изъ осажденной крѣпости.

— Я пятый день оттуда,—снова промолвилъ онъ.—Отведите меня немедленно въ штабъ, я имѣю передать важную бумагу.

Тонъ мальчика былъ такъ серьезенъ, что не заставлялъ ни на минуту усомниться въ искренности его словъ. Было тотчасъ доложено батальонному командиру, который немедленно потребовалъ къ себѣ Зуева, и, получивъ отъ него казенный пакетъ, вмѣстѣ съ нимъ, усадивъ его на свою лошадь, поскакалъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ въ штабъ, который находился въ двухъ-трехъ верстахъ отъ мѣсторасположенія резервовъ. Тутъ Зуева вскорѣ потребовалъ главный начальникъ Манджурской арміи, и мальчикъ, въ присутствіи всѣхъ начальствующихъ лицъ, разсказалъ подробно, какъ онъ добрался до Вафангоу и какимъ опасностямъ подвергался на пути. Слушая его, главнокомандующій ласково погладилъ его по щекѣ, тутъ же при всѣхъ наградилъ его Георгіевскимъ крестомъ третьей степени и поручилъ одному изъ своихъ адъютантовъ при-

строить у себя мальчика пока онъ пробудетъ здѣсь въ ожиданіи, пока его снабдятъ другимъ пакетомъ, чтобы обратно доставить гарнизону въ осажденной крѣпости.

IV.

Вмѣсто предполагаемыхъ трехъ или четырехъ дней, которые Коля разсчитывалъ провести среди войска Манджурской арміи, ему пришлось остаться здѣсь почти цѣлый мѣсяцъ, пока бой въ Вафангоу, начавшійся вскорѣ послѣ того, какъ онъ прибылъ сюда, не былъ оконченъ. Юному герою пришлось быть свидѣтелемъ самоотверженія русскаго воинства, наносившаго большія пораженія непріятелю, но въ то же время видѣвшаго себя вынужденнымъ отступать передъ дерзкимъ врагомъ, значительно превосходившимъ его силами.

И какъ ни былъ тяжелъ и затруднителенъ путь Зуева изъ Портъ-Артура въ Вафангоу, его обратный путь значительно превзошелъ его трудностями. Теперь врагъ, овладѣвъ новымъ пространствомъ, уже расположился цѣлымъ рядомъ укрѣпленныхъ линій на только что отвоеванной имъ землѣ, стоившей ему такихъ огромныхъ жертвъ и потерь. И теперь Колѣ пришлось буквально ползкомъ пробираться мимо непріятельскихъ позицій, рискуя каждую минуту быть пойманнымъ японцами или сорваться съ отвѣсныхъ склоновъ горъ, по которымъ онъ спускался на четверенькахъ, минуя непріятельскія укрѣпленія.

Только благодаря его дѣтской натурѣ, не разсуждавшей, а дѣйствовавшей болѣе инстинктивно, а также благодаря его природной неустрашимости, ему удалось такъ блестяще выполнить возложенныя на него обязанности. Этими же природными качествами также объяснили впослѣдствіи въ крѣпости тотъ рядъ блестящихъ вылазокъ, которыя такъ удались юному герою Зуеву, который вскорѣ сдѣлался любимцемъ и баловнемъ всего артурскаго гарнизона, послѣ того, какъ онъ вторично благополучно вернулся изъ Вафангоу и передалъ важные документы, а также подробности о происходившемъ сраженіи. Юный герой былъ теперь предметомъ всеобщихъ разговоровъ и имя его переходило изъ устъ въ уста. И хотя онъ все это слышалъ, но не возгордился душой, а остался тѣмъ же „Колей“, „Колькой“, тѣмъ милымъ, добрымъ мальчикомъ для

его юныхъ сверстниковъ, съ которыми онъ теперь также увлекательно предавался дѣтскимъ играмъ, какъ и до того, какъ былъ въ первый разъ отправленъ въ Вафангоу.

И любо было видѣть, какъ этотъ маленькій Коля, уже съ выдающимися знаками отличія на груди — съ двумя Георгіевскими крестами, третьей и второй степени, изъ которыхъ первый былъ имъ полученъ въ Вафангоу, а второй по возвращеніи его въ крѣпость,—съ пыломъ и увлекательностью, свойственными дѣтской душѣ, предавался игрѣ со своими товарищами.

Тутъ и слѣдовъ не было той сосредоточенности, той серьезности, которыя отражались на лицѣ этого миловиднаго мальчика и во всѣхъ его движеніяхъ, когда онъ совершалъ свой трудный путь въ Вафангоу и обратно, исполняя важное порученіе начальства. Но этого никто не видѣлъ, развѣ только эти нѣмые свидѣтели, горы и долы, по которымъ ему приходилось совершать свой трудный и опасный путь, звѣзды небесныя, къ которымъ мальчикъ часто обращалъ свои взоры въ трудныя минуты, да и Тотъ, отъ взоровъ Котораго ничего не ускользаетъ и Который охранялъ его во всемъ его трудномъ пути, готовя его для блестящаго великаго будущаго...

Теперь, увлекаясь игрой со своими сверстниками, среди которыхъ наиболѣе близокъ былъ ему Вася Сафоновъ, Коля вовсе не замѣчалъ, какъ издали любовался имъ его второй пріемный отецъ, штабсъ-капитанъ Х., и вовсе не зналъ тѣ тревожныя мысли, которыя теперь наполняли душу этого стараго воина. Капитанъ съ грустью думалъ о новой предстоящей разлукѣ съ пріемнымъ сыномъ, которому снова предстояло, по порученію главнаго начальника гарнизона, предпринять смѣлую вылазку, чтобы узнать, гдѣ находится теперь непріятель, осаждавшій крѣпость, и что предпринимаетъ онъ въ настоящее время.

Штабсъ-капитану становилось грустно при мысли о томъ рискѣ, которому снова пришлось подвергать его юнаго пріемыша, и къ которому онъ уже успѣлъ привязаться и полюбить всей душой. Но съ другой стороны, сознаніе долга заглушало въ немъ его личное чувство, и, подойдя къ Колѣ и ласково положивъ ему руку на плечо, тутъ же при всѣхъ объявилъ ему о состоявшемся вторичномъ рѣшеніи начальника гарнизона отправить его на развѣдку.

Коля Зуевъ пойманъ Японскимъ отрядомъ.

Съ момента возвращенія Коли изъ Вафангоу едва прошелъ мѣсяцъ, но въ военномъ дѣлѣ, гдѣ каждый день, иногда каждый часъ, рѣшаетъ судьбу воюющихъ сторонъ, мѣсяцъ уже значительный срокъ.

Теперь возложенная на него задача была гораздо труднѣе, чѣмъ въ первый разъ. Непріятель сомкнутыми рядами окружилъ крѣпость и на каждомъ шагу была разставлена стража, которая съ ружьями на готовѣ не должна была ни выпустить изъ крѣпости, ни впустить туда не одной живой души. И вотъ надо было ухитриться отвлечь ихъ вниманіе и совершить эту смѣлую вылазку, которая и на этотъ разъ удалась Колѣ, хотя онъ былъ захваченъ японцами въ плѣнъ.

Но послушаемъ лучше, какъ объ этомъ самъ Коля Зуевъ разсказывалъ впослѣдствіи начальству, когда ему удалось убѣжать изъ плѣна и вторично вернуться въ крѣпость.

„Это было на второй день моихъ развѣдокъ,—разсказывалъ онъ,—я только что успѣлъ вскарабкаться на высокую сопку и спрятаться за деревомъ, чтобы издали смотрѣть, что дѣлается у японцевъ. Гляжу издали, такъ верстахъ въ трехъ — четырехъ, какъ много японцевъ тащутъ огромную пушку въ гору,—тащутъ и тащутъ, да только никакъ не могутъ осилить ее и втащить на гору. Тогда вижу, какъ нѣсколько человѣкъ отдѣлились, взяли ружья и стали стрѣлять въ воздухъ, и какъ только они такъ простреляли нѣсколько минутъ, откуда ни возьмись, съ разныхъ сторонъ стали сближаться много японцевъ, съ батальонъ, а можетъ быть и больше и тутъ всѣ уперлись въ пушку и, послѣ многихъ усилій, вкатили ее наверхъ и поставили на мѣсто. Вслѣдъ за этой пушкой привели другую, третью, затѣмъ еще и еще и разставили ихъ въ два ряда, „жерломъ“ на Артуръ, съ большими промежутками. Когда пушки были такимъ образомъ разставлены, другіе японцы, которыхъ въ это время приходило видимо-невидимо, стали окапываться и дѣлать траншеи, японцы натаскали туда много большихъ ящиковъ, сундуковъ, должно быть съ боевыми патронами, порохомъ и другими военными припасами. Все это происходило у нихъ очень скоро и не прошло нѣсколько часовъ, какъ все ужъ было у нихъ готово, хоть сейчасъ начинай палить. Тутъ только я спохватился, что сопка, на которой я стоялъ, находилась какъ разъ противъ японскихъ пушекъ и первый ихъ снарядъ хватилъ бы по мнѣ. Нѣтъ, думаю себѣ, этакъ не годится, надо сойти и поспѣшить

къ своимъ и разсказать имъ обо всемъ томъ, что видѣлъ. Но едва только успѣлъ я спуститься по склону сопки съ противоположной стороны — откуда ни возьмись, трое японцевъ прямо мнѣ навстрѣчу. Что тутъ было дѣлать? убѣжать? не поможетъ — все равно пристрѣлятъ. Я находился отъ нихъ на разстояніи ближе выстрѣла. Дай-ка, думаю, объявлю себя заблудившимся китайченкомъ изъ деревни Фи-Чи-Яни; благо голова стриженная, глаза узенькіе, какъ у китайца, и хорошо говорю я по-китайски—скажу, что я сирота, что моего отца звали Тай-Дзунъ-Ма-Тесинъ, что меня зовутъ Си-Канъ-Ю и что я заблудился. Тѣмъ временемъ японцы издали кричатъ мнѣ и угрожающе показываютъ ружьемъ не двигаться съ мѣста. Одинъ изъ нихъ для пущаго страха даже выстрѣлилъ въ воздухъ, и я слышалъ какъ пуля прожужжала мимо моего праваго уха. Я остановился и жду. Они второпяхъ подходятъ ко мнѣ и, окруживъ со всѣхъ сторонъ, стали спрашивать то по-русски, то по-китайски: „Ты кто, да откуда? изъ Артура ли, или изъ Вафангоу?“ кто по-русски, кто по-китайски, сами не зная за кого принять меня. Такъ я вамъ и скажу, думаю себѣ, а самъ отвѣчаю по-китайски, какъ рѣшилъ, что я изъ деревни Фи-Чи-Яни, заблудился, молъ. Японцы о чемъ-то поговорили между собою по своему нѣсколько минутъ и одинъ изъ нихъ, взявъ меня за руку, велѣлъ пойти вмѣстѣ съ нимъ. Онъ повелъ меня черезъ горы и долы, черезъ рытвины и ущелья, пока не привелъ къ тому мѣсту, гдѣ находилась часть ихъ резервовъ. Тѣхъ пушекъ, которыя я недавно видѣлъ, какъ ихъ разставляли въ рядъ, здѣсь не было и, повидимому, меня привели въ совершенно другое мѣсто. Тутъ вскорѣ меня привели къ одному японскому офицеру, который также задавалъ мнѣ цѣлый рядъ вопросовъ и который также говорилъ то по-китайски, то по-русски, но ужъ очень неправильно. Я также отвѣчалъ ему по-русски, но старался говорить такъ плохо, какъ обыкновенно у насъ говорятъ китайцы,—и японецъ, видя, что ему не добиться отъ меня никакого толку, велѣлъ пока не выпускать меня. Не знаю, повѣрилъ ли японецъ моимъ словамъ, что я заблудившійся китайченокъ изъ деревни Фи-Чи-Яни, или можетъ быть даже послалъ туда гонца, чтобы узнать, живетъ ли тамъ мальчикъ Си-Канъ-Ю, отца котораго звали Тай-Дзунъ-Ма-Тесинъ, или нѣтъ, — или быть можетъ не допускалъ мысли, что такой маленькій, какъ я, могъ рѣшиться пойти на развѣдки,

Р5357

но меня не связали и даже не заперли въ отдѣльной фанзѣ, а накормили и позволили остаться на дворѣ, строго-на-строго наказавъ мнѣ, чтобъ я не посмѣлъ убѣжать, иначе меня пристрѣлятъ.

Когда наступила ночь и находившіеся тутъ японцы легли спать, кто въ фанзахъ, а кто прямо на землѣ, подъ открытымъ небомъ, мнѣ также велѣли послѣдовать ихъ примѣру, предоставивъ мнѣ выборъ спать въ фанзѣ или подъ открытымъ небомъ. Я, разумѣется, предпочелъ остаться на свѣжемъ воздухѣ, чѣмъ въ душной фанзѣ. Къ тому же у меня закралась мысль сбѣжать въ эту же ночь. Я уже давно присматривался къ одной изъ лошадокъ, которыя паслись здѣсь, привязанныя на веревкѣ. Я расположился на голой землѣ, притворился, что сплю, даже захрапѣлъ, а самъ зорко наблюдаю за стражей, которая безмолвно ходитъ взадъ и впередъ, кругомъ этой небольшой японской позиціи; улучивъ благопріятную минуту, я тихонько, ползкомъ на животѣ, добрался до одной изъ лошадей, перерѣзалъ ножикомъ веревку, вскочилъ на коня и дай Богъ ноги, сквозь темную ночь, черезъ горы и долы. Я такъ скакалъ всю ночь, самъ не зная куда, но когда наступило утро, увидалъ, что очутился опять у какой-то китайской деревни, но не вблизи Артура, а гдѣ-то въ предѣлахъ Ляояна. Въ этой деревнѣ я пробылъ нѣсколько дней, а затѣмъ по моей просьбѣ китайцы доставили меня до ближайшей русской позиціи.

Тутъ я все разсказалъ, что приключилось со мной и что видѣлъ у японцевъ. И тутъ меня опять наградили Георгіемъ 4-ой степени. Это уже третья Высочайшая награда, пожалованная мнѣ,—закончилъ Коля Зуевъ свой разсказъ,—и я еще надѣюсь получить Георгія 1-ой степени".

Въ настоящее время Коля Зуевъ находится среди офицеровъ Сибирскаго полка, пользуется всеобщей любовью и составляетъ гордость всего полка.